

DOI: 10.20913/2224-1841-2021-3-10

УДК 159.9

Оригинальная научная статья

Субъектное прогнозирование практик безопасности в экстремальных ситуациях

Т. М. Краснянская

Московский гуманитарный университет

Москва, Российская Федерация

e-mail: ktm8@yandex.ru

В. Г. Тылец

Московский государственный лингвистический университет

Москва, Российская Федерация

e-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* Целью настоящего исследования является изучение особенностей прогнозируемого субъектом выбора практик безопасности в связи со значимыми для него экстремальными ситуациями жизнедеятельности. *Постановка задачи.* Основной гипотезой выступило предположение, согласно которому выбор практик безопасности может быть связан с типом инициирующей его экстремальной ситуации таким образом, что каждая группа этих практик соотносится с определенным типом экстремальных ситуаций. *Методология и методика исследования.* Исследование носило поисковый характер. Использовались методы незаконченного предложения и субъективного шкалирования. В исследовании на добровольной основе приняли участие студенты вузов общей численностью 200 человек. В выборке – 118 (59 %) девушек и 82 (41 %) юноши в возрасте от 18 до 21 года. Субъективно значимыми экстремальными ситуациями респондентами названы болезнь, давление на психику, бытовой экстрим, финансовая афера, транспортная авария, травма на работе, криминальная агрессия, стихийное бедствие, теракт, деструктивный социальный конфликт. *Результаты.* Факторизация установила их смысловую группировку на общесоциальные, публичные и частные экстремальные ситуации. Исследование построено на выборах нормативных (соблюдение инструкций по технике безопасности, памяток по безопасности, следование разработанным правилам безопасности), социокультурных (учет примёт опасности, использование оберегов, защитных амулетов, проведение ритуала защиты от угрозы) и индивидуальных (соблюдение рекомендаций значимых лиц по безопасности, использование собственных правил безопасности, собственных традиций безопасности) практик безопасности. На эмпирической основе установлено, что выбор практик безопасности различается в зависимости от инициирующей его экстремальной ситуации. *Выводы.* Наиболее предпочитаемыми для студентов являются индивидуальные, наименее – социокультурные практики безопасности. Выбор официальных практик безопасности чаще связан с публичными экстремальными ситуациями; выбор социокультурных и индивидуальных практик безопасности – с частными экстремальными ситуациями. Проблема имеет перспективы для дальнейших исследований.

Ключевые слова: безопасность, практики безопасности, выбор, субъект, угроза, экстремальная ситуация

Для цитирования: Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Субъектное прогнозирование практик безопасности в экстремальных ситуациях // Профессиональное образование в современном мире. 2021. Т. 11, № 3. С. 102–111. DOI: <https://doi.org/10.20913/2224-1841-2021-3-10>

DOI: 10.20913/2224-1841-2021-3-10
Original Paper

Subjective forecasting of security practices in extreme situations

Krasnianskaya, T. M.

Moscow University for the Humanities
Moscow, Russian Federation
e-mail: ktm8@yandex.ru

Tylets, V. G.

Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation
e-mail: tyletsvalery@yandex.ru

Abstract. The purpose of the research is to study the features of the subject's predicted choice of security practices in connection with extreme life situations that are significant for him. The main hypothesis was the assumption that the choice of security practices can be associated with the type of extreme situation that initiates it, in such a way that each group of these practices corresponds with a certain type of extreme situations. The research was exploratory in nature. The authors used the methods of incomplete sentence and subjective scaling. A total of 200 university students participated in the study on a voluntary basis. The sample included 118 (59 %) girls and 82 (41 %) boys aged 18–21 years. The respondents identified subjectively significant extreme situations, such as illness, pressure on the psyche, domestic extreme, financial fraud, transport accident, trauma at work, criminal aggression, natural disaster, terrorist attack, destructive social conflict. Factorization has established their semantic grouping into general social, public and private extreme situations. The authors based the study on the selection of the following security practices: normative (compliance with safety instructions, safety memos, following the developed safety rules), socio-cultural (taking into account the signs of danger, the use of talismans, protective amulets, conducting a ritual of protection against threats) and individual (compliance with the recommendations of significant persons on safety, the use of their own safety rules, their own safety traditions). The authors established on an empirical basis, that the choice of security practices differs depending on the extreme situation that initiates it. The most preferable for students are individual security practices, the least preferable are socio-cultural ones. The choice of official security practices is more often associated with public extreme situations; the choice of socio-cultural and individual security practices is more often associated with private extreme situations. The problem has prospects for further research.

Keywords: security, security practices, choice, subject, threat, extreme situation

Citation: Krasnianskaya, T. M., Tylets, V. G. [Subjective forecasting of security practices in extreme situations]. *Professional education in the modern world. 2021, vol. 11, no. 3, pp. 102–111.* DOI: <https://doi.org/10.20913/2224-1841-2021-3-10>

Введение. В современном динамичном и многовариативном мире, сохранившем многие пришедшие из прошлого (природные, эпидемиологические) и получившем новые, ранее неизвестные ему (террористические, техногенные, экологические) угрозы жизни и благополучию человека, безопасность продолжает оставаться высоко востребованной реальностью. Ее обеспечение, создающее резерв для стабильного существования и устойчивого развития любых социальных структур, выступает на текущий день приоритетной целью деятельности различных военных, политических, экономических, конфессиональных союзов и объединений. Задачи безопасности являются основополагающими при

построении государственной внешней и внутренней политики, разработке и принятии законодательных актов, относящихся к самым разным сферам социальной жизни. Политическая, экономическая, криминальная, экологическая, продовольственная, антитеррористическая, технологическая и прочие виды безопасности стимулируют активность политических деятелей и интересы СМИ. Идеи безопасности в той или иной мере учитываются в различных прогнозах, закладываются в долгосрочные планы, влияют на оценку текущих решений просоциальных институтов. По сути, на сегодняшний день безопасность – ключевой маркер всякой целесообразности и ведущий ориентир для каждой возможности.

При всей вовлеченности общественных структур в регулирование безопасности и достигнутых ими реальных достижениях в этой области собственная (личная) безопасность продолжает оставаться в зоне ответственности самого человека. От сформировавшейся у него способности фиксировать, идентифицировать, понимать, принимать и решать проблемы безопасности зависит сохранение его материального, социального, психического благополучия, возможности развития, а порой физической сохранности и продолжительности жизни. Принадлежность безопасности к ведущим условиям выживания и продвижения в каком бы то ни было развитии, а в силу этого – к базовым потребностям, должна, вероятно, сопровождаться высоким уровнем компетентности человека в вопросах ее обеспечения (достижения, сохранения, восстановления, повышения). Казалось бы, вполне очевидное умозаключение не подтверждается практикой: при всей декларируемой социальной обеспеченности безопасности человек остается высоко уязвимым к широкому спектру угроз ее нарушения. Констатация этого факта стимулирует научный интерес к изучению его причинного поля и разработке подходов к содействию позитивным процессам безопасности.

Постановка задачи. Проблемы безопасности, традиционно актуальные преимущественно для наук, ориентированных на изучение глобальных социальных явлений и процессов (философии, социологии, права, экономики), в настоящее время вошли в сферу интересов психологии, концентрированной на человеке.

В психологии безопасность изначально рассматривалась как реальность, обеспечивающая человеку наиболее благоприятные условия для выполнения некоторой деятельности, продвижения и развития в выбранном направлении. На данный момент такое понимание способствует исследованиям вклада безопасности в формирование наиболее востребованных обществом психических новообразований человека (например, патриотизма [1]). Одновременно разрабатываются подходы к созданию условий безопасности во всем множестве ее частных разновидностей для различных категорий субъектов (несовершеннолетних [2–4], студентов [5–7], пожилых людей [8], жертв социального экстремизма [9] и социального манипулирования [10], пациентов депрессивного спектра [11], потенциальных суицидентов [12] и т. д.).

Наряду с установлением внешних условий, наиболее оптимальных с точки зрения безопасности человека, для психологии актуальность приобрело выявление внутренних, психологических условий ее обеспечения. В русле этого направления изучается широкий спектр личностных (интеллектуальных [13; 14], эмоциональных [15],

нравственно-этических [16; 17], ценностно-смысловых [18–21] и иных) предпосылок безопасности человека. Обладая несомненной исследовательской ценностью, получаемое при этом знание не дает прямого понимания психологической обоснованности и целесообразности активности человека в связи и по поводу решения задач безопасности. Вопросы его обращения к различным практикам безопасности до недавнего времени оставались на окраине интересов психологии.

Проблематика индивидуальных практик безопасности как направления исследований, наиболее приближенного к запрашиваемому социумом поиску эффективных путей и средств ее достижения, своими истоками имеет научные разработки начала и середины XX в. по вопросам психологии труда и производственной безопасности (К. Марбе, Э. Фармер, А. Куглер, Г. Майергофер, М. А. Котик и др.) (см., напр.: [22]). В обозначенный период внимание психологов к практикам безопасности сводилось преимущественно к разработке правил производственной безопасности и условий их соблюдения работниками. Поведение в области безопасности труда, дисциплинированное внешними требованиями, может рассматриваться лишь как частная форма практик безопасности. Начало непосредственного изучения психологических аспектов осознанного и целесообразного использования субъектом практик безопасности мы увязываем с появлением работ по психологии самообеспечения безопасности человека (см., напр.: [23]). Развитию обозначенной проблематики послужили исследования психологических особенностей использования практик безопасности, имеющих социокультурное происхождение, в частности примет и обычаев [24], ритуалов [25], направленных на обеспечение собственной безопасности со стороны некоторых субъектов.

Содержательный анализ научных работ по проблематике показывает отсутствие на сегодняшний день исследований особенностей субъектного выбора различных форм практик безопасности. Между тем их результаты могли бы иметь значительные перспективы практического применения. Попытка преодолеть обозначенный пробел обусловила постановку проблемы нашего исследования: каковы предпосылки выбора субъектом практик безопасности в связи со значимыми для него угрозами?

Методология и методика исследования. Обращаясь к вопросам организации исследования, уточним, что под практиками безопасности нами рассматривается специализированный предметный опыт человека в единстве выстраиваемых алгоритмов, поведенческих подходов, способов, приемов и т. д. противодействия актуальным или потенциальным угрозам его физической, психической

и/или духовной защищенности и возможностям развития в повседневных или профессиональных средах, условиях и ситуациях. В представленной трактовке категория «противодействие угрозам» подразумевает реализацию всего комплекса мер обеспечения безопасности со стороны субъекта этого противодействия, то есть профилактику, купирование, нейтрализацию угроз, восстановление нанесенного ущерба, усиление уровня защищенности. Сами практики безопасности, используемые субъектом, представляются феноменом, обладающим структурно-содержательной сложностью и неоднородностью. Согласно источнику предполагается возможным выделение среди них нормативных (официально утвержденных инструкций, регламентов, правил, рекомендаций и других указаний в области безопасности), социокультурных (культурно обусловленных традиций, обычаев, ритуалов в области безопасности) и индивидуальных (алгоритмы, правила, ритуалы, разработанные на основе собственного опыта или персонально полученных наставлений) практик безопасности.

Заявленная нами исследовательская проблема может быть изучена в трех временных проекциях: как анализ выборов, уже сделанных в прошлом, осуществляемых в настоящем и планируемых относительно будущего. Анализ оснований выборов рассматриваемых практик, сделанных в прошлом, предполагает обращение к субъектам, обладающим опытом преодоления угроз безопасности, и несет вероятность ошибки вследствие изменчивости во времени его психических характеристик. Изучение психологических предпосылок таких выборов в настоящем сталкивается с недопустимостью отвлекающего вмешательства в актуальные процессы, высоко значимые для благополучия человека. Учитывая отмеченные ограничения, наиболее приемлемым мы считаем рассмотрение третьего варианта, то есть особенностей прогнозируемого (в будущем) выбора практик безопасности в субъективно значимых экстремальных ситуациях. Такой подход к рассмотрению проблемы в силу вероятностного характера допущений, выстраиваемых субъектом выбора, как и в предыдущих случаях, содержит возможность ошибки.

Прогнозируя свой возможный в будущем выбор практик безопасности в настоящем, субъект делает отложенный во времени выбор «здесь и сейчас», исходя из некоторых предпочтений, оформившихся у него под влиянием различных внешних и внутренних факторов. Эти предпочтения, очевидно, в какой-то степени (с корректировкой на актуальное состояние) проявятся и в последующем выборе практики безопасности при возникновении перед субъектом реальной экстремальной ситуации. Возможные отклонения выбора реального от прогнозируемого полностью исключить невозможно,

поэтому решение заявленной проблемы через выявление особенностей субъектных предпочтений выбора практик безопасности в зависимости от типа инициирующей его экстремальной ситуации рассматриваем вполне допустимым.

Исходя из сказанного, целью исследования стало изучение особенностей прогнозируемого субъектом выбора практик безопасности в связи со значимыми для него экстремальными ситуациями жизнедеятельности.

Основной гипотезой исследования выступило предположение, согласно которому выбор практик безопасности может быть связан с типом инициирующей его экстремальной ситуации таким образом, что каждая группа этих практик соотносится с определенным типом экстремальных ситуаций.

Цель и гипотеза исследования определили постановку следующих исследовательских задач: 1) выявление субъективно значимых для респондентов экстремальных ситуаций; 2) получение оценок приемлемости выборов психологических практик при разных типах экстремальных ситуаций; 3) анализ особенностей выбора психологических практик в зависимости от типа экстремальной ситуации.

На подготовительном этапе исследования устанавливался перечень субъективно значимых для респондентов экстремальных ситуаций жизнедеятельности. Для этого использовался метод незаконченного предложения: им предлагалось дополнить фразу «Для меня в будущем значимыми экстремальными (угрожающими моей безопасности) ситуациями могут быть...» На выполнение задания давалось 5 минут. Результаты анализа частотности названных экстремальных ситуаций были использованы на основном этапе исследования.

Основной этап исследования проводился на базе метода субъективного шкалирования. Этот метод привлекался для оценки возможности выбора респондентами определенных форм практик безопасности в значимых для них типах экстремальных ситуаций. Респондентам для заполнения предлагалась таблица 10×10 , строки которой образованы экстремальными ситуациями, столбцы – практиками безопасности. Формулировка задания: «Оцените, заполнив таблицу 10×10 , возможность использования вами в 10 типах экстремальных ситуаций каждой из 10 практик безопасности, используя 7-балльную шкалу: 1 – совершенно не подходит; 2 – не подходит; 3 – скорее не подходит, чем подходит; 4 – сомневаюсь: и подходит, и не подходит; 5 – скорее подходит, чем не подходит; 6 – подходит; 7 – полностью подходит».

Строки таблицы образованы экстремальными ситуациями, оказавшимися наиболее распространенными в списке ситуаций, названных респондентами на подготовительном этапе исследования значимыми: болезнь; давление на психику; бытовой

экстрим; криминальная агрессия; транспортная авария; финансовая афера; травма на работе; стихийное бедствие; теракт; деструктивный социальный конфликт. В качестве столбцов таблицы использованы нормативные (соблюдение инструкций по технике безопасности, памяток по безопасности, следование разработанным правилам безопасности), социокультурные (учет примет опасности, использование оберегов, защитных амулетов, проведение ритуала защиты от угрозы) и индивидуальные (соблюдение рекомендаций значимых лиц по безопасности, выработанных для себя правил безопасности, собственных традиций безопасности) практики безопасности.

При разработке исследования мы осознавали, что обозначенная проблема может быть изучена на различных выборках. Вероятно, наиболее интересным было бы ее рассмотрение на материале субъектов, находящихся на этапах формирования отношения к использованию или уже активного использования практик безопасности в экстремальных ситуациях. Это исследование проведено на выборке субъектов формирования отношения к использованию практик безопасности. В нем на добровольной основе приняли участие студенты нескольких столичных вузов (Московского государственного лингвистического университета, Российской международной академии туризма, Московского гуманитарного университета) общей численностью 200 человек. В выборке – 118 (59 %) девушек и 82 (41 %) юноши в возрасте от 18 до 21 года.

Эмпирические данные подвергались процедурам первичной (нахождение средних по выборке, процентного распределения, ранжирование) и вторичной (факторный анализ) математико-статистической обработке.

Результаты (результаты и их обсуждение).

По итогам подготовительного этапа исследования выявлено 10 наиболее значимых для выборки студентов экстремальных (угрожающих безопасности) ситуаций: болезнь ($n = 185$, или 92,5 %); давление на психику ($n = 172$, или 86 %); бытовой экстрим ($n = 168$, или 84 %); криминальная агрессия ($n = 154$, или 77 %); транспортная авария ($n = 148$, или 74 %); финансовая афера ($n = 138$, или 69 %); травма на работе ($n = 134$, или 67 %); стихийное бедствие ($n = 130$, или 65 %); теракт ($n = 118$, или 59 %); деструктивный социальный конфликт ($n = 102$, или 51 %). Обращает на себя внимание то, что в качестве значимых экстремальных (угрожающих безопасности) респонденты обозначили широкий спектр трудных, напряженных, стрессогенных ситуаций, относящихся к разным аспектам жизнедеятельности, но при этом с объективных позиций не все они в полной мере отвечают научным критериям экстремальности (неожиданность, новизна, повышенная напряженность

за пределами текущих возможностей субъектного реагирования). В данном случае, очевидно, уместнее говорить о субъективной экстремальности обозначенных ситуаций. Обнаруженное по выборке разнообразие, с одной стороны, отражает многоаспектность понимания молодежью экстрима в своей жизни, с другой – проявленная субъективность повышает проблемность рассмотрения особенностей выбора практик безопасности.

Анализ суммарной матрицы оценок выборов практик безопасности обнаружил их иерархию при разных типах экстремальных ситуаций (табл. 1).

Для смысловой группировки и дифференциации типов экстремальных ситуаций респондентами использовалась процедура факторного анализа обобщенной матрицы оценок 10×10 , образованной суммированием 200 индивидуальных матриц оценок выбора респондентами практик безопасности при разных типах экстремальных ситуаций. Факторизация проводилась по методу «Centroid method» на базе компьютерного пакета Statistica 6.0.

По результатам статистической обработки выделено три наиболее информативных фактора (72,45 % объясняемой дисперсии).

В первый униполярный фактор (28,05 % дисперсии) со значимым статистическим весом вошли следующие шкалы: криминальная агрессия .91257, теракт .86209, стихийное бедствие .84224, деструктивный социальный конфликт .78024. В качестве объединяющей для экстремальных ситуаций, соответствующих этим шкалам, может рассматриваться общесоциальная значимость их последствий. В силу этого группа получила обозначение «Общесоциальные экстремальные ситуации».

Второй полученный униполярный фактор (26,19 %) образован следующими шкалами, получившими статистически значимый вес: транспортная авария .86043, травма на работе .82785, финансовая афера .75336. Ситуации достаточно разнообразны, но все они образуются в силу какой-либо социальной активности субъекта. Исходя из сказанного, фактор, объединивший данные шкалы со значимым статистическим весом, назван «Публичные экстремальные ситуации».

Третий униполярный фактор сферы частной жизни (18,21 % дисперсии) объединил следующие «значимые» шкалы: болезнь .80941, давление на психику .76355, бытовой экстрим .72804. Ситуации, соответствующие названным шкалам, обычно протекают в приватном пространстве частной жизни человека. В силу этого фактор, образованный ими, получил название «Частные экстремальные ситуации».

Таким образом, субъективно значимые для студентов экстремальные ситуации на смысловом уровне группируются на общесоциальные, публичные и частные экстремальные ситуации.

Таблица 1. Распределение приемлемости практик безопасности по типам экстремальных ситуаций (средние по выборке баллы)

Table 1. Distribution of the acceptability of security practices by types of extreme situations (average points for the sample)

Практики безопасности	Экстремальные ситуации									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Соблюдение инструкций по технике безопасности	2,15	3,27	6,06	3,30	4,96	6,83	3,62	4,58	5,09	5,65
Соблюдение памяток по безопасности	4,12	2,61	6,23	4,68	5,26	6,24	6,34	6,31	6,48	4,37
Следование разработанным правилам безопасности	5,89	3,16	6,30	6,22	6,68	6,98	5,28	6,65	5,61	4,20
Учет примёт опасности	3,56	2,31	5,84	4,12	5,60	3,18	5,27	5,61	2,26	4,35
Использование оберегов	6,28	6,29	6,42	4,17	6,84	4,39	5,91	5,83	3,48	5,68
Использование защитных амулетов	6,04	6,84	6,35	3,28	6,32	5,20	6,12	4,98	5,41	5,89
Проведение ритуала защиты от угрозы	3,98	3,06	2,15	2,19	3,25	4,36	3,12	4,87	2,63	3,82
Соблюдение рекомендаций значимых лиц по безопасности	6,54	6,88	4,37	6,34	6,11	6,07	6,22	6,12	6,35	5,82
Использование собственных правил безопасности	6,47	6,75	6,89	6,34	6,20	6,26	6,76	5,33	3,54	5,36
Использование собственных традиций безопасности	6,18	6,37	6,24	5,69	5,68	6,17	6,79	4,62	4,22	4,10

Примечание. Обозначения экстремальных ситуаций: 1 – болезнь, 2 – давление на психику, 3 – бытовой экстрим, 4 – финансовая афера, 5 – транспортная авария, 6 – травма на работе, 7 – криминальная агрессия, 8 – стихийное бедствие, 9 – теракт, 10 – деструктивный социальный конфликт.

Средние оценки выборов рассматриваемых практик безопасности, полученные по всем ситуациям, были ранжированы по убыванию, что привело к следующему их распределению: соблюдение рекомендаций значимых лиц по безопасности (6,08 – здесь и далее средний балл), использование собственных правил безопасности (6,00), следование разработанным правилам безопасности (5,70), использование защитных амулетов (5,64), использование собственных традиций безопасности (5,61), использование оберегов (5,53), соблюдение памяток по безопасности (5,26), соблюдение инструкций по технике безопасности (4,55), учет примёт опасности (4,21), проведение ритуала защиты от угрозы (3,34). Полученное распределение средних оценок показывает, что все рассматриваемые практики безопасности с большей или меньшей степенью, но выбираются респондентами в разных типах ситуаций. Таким образом, все они являются значимыми для использованной выборки.

Анализ практик безопасности по их типам показывает, что наиболее приемлемым для респондентов является выбор индивидуальных

практик безопасности (соблюдение рекомендаций значимых лиц по безопасности, использование собственных правил безопасности, использование собственных традиций безопасности) со средним баллом – 5,89, далее – официальных практик безопасности (следование разработанным правилам безопасности, соблюдение памяток по безопасности, соблюдение инструкций по технике безопасности) со средним баллом – 5,17. Социокультурные практики безопасности (учет примёт опасности, использование оберегов, использование защитных амулетов, проведение ритуала защиты от угрозы), войдя зону средних оценок (средний балл – 4,68), также обнаружили прогнозируемую востребованность в экстремальных ситуациях. Иерархия выборов «индивидуальные – официальные – социокультурные практики безопасности» может объясняться неравноценной субъектной доступностью их содержания. Очевидно, более приемлемыми для использования выступают лично «наработанные», а потому наиболее известные, апробированные, подтвердившие свою эффективность практики безопасности. Официальные практики

безопасности могут рассматриваться как научно обоснованные, но не в полной мере совместимые с индивидуальными особенностями возможного потребителя. Социокультурные практики в этом смысле выступают как нечто наименее верифицируемое, с недостаточно понятным алгоритмом и эффектом применения. Однако они могут быть востребованы, например, в условиях утраты доверия к первым двум типам практик безопасности.

Дальнейший анализ показал неравномерность выборов респондентами практик безопасности по группам экстремальных ситуаций (табл. 2).

Согласно представленным результатам в «тройки» наиболее выбираемых вошли: в группе частных экстремальных ситуаций – использование собственных правил безопасности (6,7 – здесь и далее средний балл), защитных амулетов (6,41) и оберегов (6,33); в группе публичных экстремальных ситуаций – следование разработанным правилам безопасности (6,63), использование собственных правил безопасности (6,27) и соблюдение рекомендаций значимых лиц по безопасности (6,17); в группе общесоциальных экстремальных ситуаций – соблюдение рекомендаций значимых лиц по безопасности (6,13), соблюдение памяток по безопасности (5,88) и использование защитных амулетов (5,6). Вероятно, прослеживается тенденция, согласно которой в частных экстремальных ситуациях для респондентов наиболее приемлемы социокультурные практики безопасности, в группе публичных экстремальных ситуаций – индивидуальных практик безопасности, в группе общесоциальных экстремальных ситуаций –

сочетание (комбинирование) трех типов практик безопасности.

Прослеживается неоднородность выбора респондентами групп практик безопасности в зависимости от типа экстремальных ситуаций (табл. 3).

Согласно полученным результатам официальные практики безопасности чаще выбираются применительно к публичным экстремальным ситуациям, социокультурные и индивидуальные практики безопасности – применительно к частным экстремальным ситуациям. При этом выбор индивидуальных практик является наиболее уверенным среди остальных видов практики. Он же более прогнозируем применительно к частным и публичным экстремальным ситуациям.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза подтвердилась. На основе эмпирических данных можно утверждать, что выбор практик безопасности связан с типом экстремальной ситуации. При этом прослеживаются определенные закономерности в предпочтениях «выбор практики безопасности – экстремальная ситуация».

Выводы. Проведенное исследование позволило на выборке студентов изучить особенности выбора практик безопасности в зависимости от инициировавшего его типа экстремальной ситуации.

Сделаны следующие выводы.

1. По выборке респондентов студенческого возраста значимыми экстремальными ситуациями оказались ситуации, подразделяемые на частные экстремальные ситуации (болезнь, давление на психику, бытовой экстрим), публичные экстремальные

Таблица 2. Распределение средних оценок выборов практик безопасности по группам экстремальных ситуаций

Table 2. Distribution of average assessments of choices of security practices by groups of extreme situations

Практики безопасности	Типы экстремальных ситуаций		
	1	2	3
Соблюдение инструкций по технике безопасности	3,83	5,03	4,74
Соблюдение памяток по безопасности	4,32	5,39	5,88
Следование разработанным правилам безопасности	5,12	6,63	5,44
Учет примёт опасности	3,90	4,30	4,37
Использование оберегов	6,33	5,13	5,23
Использование защитных амулетов	6,41	4,93	5,60
Проведение ритуала защиты от угрозы	3,06	3,27	3,61
Соблюдение рекомендаций значимых лиц по безопасности	5,93	6,17	6,13
Использование собственных правил безопасности	6,70	6,27	5,25
Использование собственных традиций безопасности	6,26	5,85	4,93

Примечание. Обозначения типов экстремальных ситуаций: 1 – частные экстремальные ситуации (болезнь, давление на психику, бытовой экстрим), 2 – публичные экстремальные ситуации (финансовая афера, травма на работе, транспортная авария), 3 – общесоциальные экстремальные ситуации (криминальная агрессия, стихийное бедствие, теракт, деструктивный социальный конфликт).

Таблица 3. Распределение видов практик безопасности по типам экстремальных ситуаций

Table 3. Distribution of types of security practices by types of extreme situations

Виды практик безопасности	Типы экстремальных ситуаций		
	частные	публичные	общесоциальные
Официальные	4,42	5,68	5,35
Социокультурные	4,93	4,41	4,70
Индивидуальные	6,30	6,10	5,44

ситуации (финансовая афера, травма на работе, транспортная авария), общесоциальные экстремальные ситуации (криминальная агрессия, стихийное бедствие, теракт, деструктивный социальный конфликт).

2. Субъективно значимые экстремальные ситуации по выборке студентов студенческого возраста допускают использование трех видов практик безопасности: индивидуальных практик безопасности (соблюдение рекомендаций значимых лиц по безопасности, использование собственных правил безопасности, использование собственных традиций безопасности), официальных практик безопасности (следование разработанным правилам безопасности, соблюдение памяток по безопасности, соблюдение инструкций по технике безопасности) и социокультурные практики безопасности (учет примет опасности, использование оберегов, использование защитных амулетов, проведение ритуала защиты от угрозы). Все рассмотренные практики безопасности включаются в прогнозируемый субъектный выбор в связи с экстремальными ситуациями.

3. Выбор практик безопасности различается в зависимости от инициирующей его экстремальной ситуации. Наиболее предпочитаемый выбор студентов относится к индивидуальным практикам безопасности, наименее – к социокультурным практикам безопасности.

4. Прослеживается дифференциация выборов практик безопасности в связи с типом экстремальной ситуации: выбор официальных практик чаще связан с публичными ситуациями, социокультурных и индивидуальных практик – с частными экстремальными ситуациями.

Проведенное на выборке студентов исследование позволило выявить некоторые тенденции прогнозирования практик безопасности в экстремальных ситуациях. Однако, очевидно, что проблема находится на начальном этапе исследований, что требует ее дальнейшего рассмотрения в других условиях и на ином материале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов М. С. Безопасность как смысловая основа патриотизма // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 142–148.

2. Кылосова Д. Ю. Выявление индикаторов риска социально опасного положения несовершеннолетних в целях обеспечения психологической безопасности личности // Правовые, социально-экономические, психологические аспекты обеспечения национальной безопасности. Пермь, 2019. С. 438–443.

3. Лекарева Е. Е. Безопасность как ключевая задача защиты прав и интересов несовершеннолетних, в том числе вступивших в конфликт с законом // Образование личности. 2018. № 3. С. 145–151.

4. Полина А. В., Скрипкина Т. П., Овчарова Е. В., Смирнова С. А., Беккель Ю. В., Баракова И. А., Рябова С. В. Формирование личности подростка в трудной жизненной ситуации. Волгоград: ООО «Сфера», 2020. 296 с.

5. Никифорова Д. М., Бойко А. Д. Разработка программы по оптимизации безопасного защитного и совладающего поведения студентов в образовательной среде // Педагогическое образование в России. 2019. № 1. С. 105–112.

6. Тылец В. Г., Краснянская Т. М. Проектирование преподавателем субъектной безопасности в экстремальных ситуациях // Учитель в системе современного антропологического знания. Ставрополь, 2016. С. 390–395.

7. Trifonova E. V. The internet students' safety during the distance learning technologies realization in regional universities at the beginning of the global covid-19 pandemic // Вестник НЦБЖД. 2020. № 4. С. 160–163.

8. Бересток Т. Б. Актуальные проблемы информационно-психологической безопасности пожилых людей // Ярославская психологическая школа: актуальные проблемы практической психологии. Ярославль, 2020. С. 12–15.

9. Мищенко Л. В. Теоретические и методологические проблемы системного исследования развития индивидуальности разных категорий жертв социального экстремизма // Университетские чтения – 2019. Пятигорск, 2019. С. 29–35.

10. Соловьева Е. В., Сопова А. А. Манипулятивное влияние в контексте проблемы социально-психологической

безопасности личности // Психологическое здоровье личности: теория и практика. Ставрополь, 2020. С. 111–114.

11. Стоянова И. Я., Смирнова Н. С. Предикторы психологической безопасности у пациентов депрессивного спектра // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10, № 1. С. 1–6.

12. Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Трансформация темпорального пространства субъектной безопасности в условиях суицидального влияния // Образовательные науки и психология. 2017. № 2. С. 73–81. URL: <http://gesj.internet-academy.org.ge/download.php?id=2967.pdf> (дата обращения: 10.07.2021).

13. Звездина А. А. Отношение к безопасности как профессиональный аспект в деятельности сотрудника полиции // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2019. № 1. С. 16–18.

14. Фатихова Л. Ф. Влияние интеллектуальных нарушений на способность подростков распознавать опасную ситуацию и прогнозировать ее последствия // Специальное образование. 2020. № 4. С. 80–98.

15. Игнатова Е. С. Эмоциональный аспект безопасности // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. № 6. С. 161–165.

16. Кухтова Н. В., Скрипачёва Е. И. Обеспечение психологической безопасности образовательной среды посредством формирования просоциальности у младших школьников // Психологическая безопасность личности в изменяющемся социуме. Великий Новгород, 2018. С. 122–127.

17. Петрова Е. Г., Черная Я. А. Теоретические основы представления о безопасности лиц с разными типами морального сознания // Актуальные проблемы профилактики аддиктивного поведения. Ростов-на-Дону, 2019. С. 189–194.

18. Иванов М. С. Убежденность в ценности собственного Я при разном отношении к угрозам личной

безопасности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 992–999.

19. Тылец В. Г., Краснянская Т. М. Персональные концепции безопасности субъектов адаптации к экстремальным условиям жизнедеятельности // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире : материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2020. С. 217–225. URL: https://dep_op.pnzgu.ru/files/dep_op.pnzgu.ru/materialy_konferencii_spamvsm_2020_itog.pdf (дата обращения: 10.07.2021).

20. Тылец В. Г., Краснянская Т. М. Психологические особенности представлений любителей произведений фантастического и детективного жанров о субъекте безопасности // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13, № 3. С. 180–193. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130314>.

21. Тылец В. Г., Краснянская Т. М., Иохвидов В. В. Смысловое ядро безопасности субъектов в условиях информационного давления // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10, № 3. С. 3112–3120. DOI: 10.15372/PEMW20200321.

22. Котик М. А. Психология защищенности человека от опасности в профессиональной деятельности. Ленинград, 1985. 30 с.

23. Краснянская Т. М. Закономерности самообеспечения безопасности // Известия ТРТУ. 2005. Т. 53, № 9. С. 147–148.

24. Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Визуализация практики самообеспечения безопасности в приметах и обычаях студентов вуза // Психология и психотехника. 2015. № 11. С. 1158–1166. DOI: 10.7256/2070–8955.2015.11.17018.

25. Тылец В. Г., Краснянская Т. М. Психологические смыслы ритуалов безопасности в образовательном пространстве вуза // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2016. № 4. С. 103–109.

REFERENCES

1. Ivanov M. S. Security as a semantic basis of patriotism. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2019, no. 1, pp. 142–148. (In Russ.).

2. Kylosova D. Yu. Identification of risk indicators of the socially dangerous condition of minors in order to ensure the psychological security of the individual. *Legal, socio-economic and psychological aspects of ensuring national security*. Perm, 2019, pp. 438–443. (In Russ.).

3. Lekareva E. E. Security as a key task of protecting the rights and interests of minors, including those who have entered into conflict with the law. *Personality education*, 2018, no. 3, pp. 145–151. (In Russ.).

4. Polina A. V., Skripkina T. P., Ovcharova E. V., Smirnova S. A., Bekkel Yu. V., Barakova I. A., Ryabova S. V. *Formation of the personality of a teenager in a difficult life situation*. Volgograd, LLC «Sfera», 2020, 296 p. (In Russ.).

5. Nikiforova D. M., Boyko A. D. Development of a program for optimizing the safe protective and coping behavior of students in the educational environment. *Pedagogical Education in Russia*, 2019, no. 1, pp. 105–112. (In Russ.).

6. Tylets V. G., Krasnyanskaya T. M. Designing subject security in extreme situations by a teacher. *A teacher in the system of modern anthropological knowledge*. Stavropol, 2016, pp. 390–395. (In Russ.).

7. Trifonova E. V. The internet students' safety during the distance learning technologies realization in regional universities at the beginning of the global COVID-19 pandemic. *Bulletin of the Scientific Center for Life Safety*, 2020, no. 4, pp. 160–163.

8. Berestok T. B. Actual problems of information and psychological safety of elderly people. *Yaroslavl psychological school: actual problems of practical psychology*. Yaroslavl, 2020, pp. 12–15. (In Russ.).

9. Mishchenko L. V. Theoretical and methodological problems of the systematic study of the individuality development of different categories of victims of social extremism. *University readings – 2019*. Pyatigorsk, 2019, pp. 29–35. (In Russ.).

10. Solovyova E. V., Sopova A. A. Manipulative influence in the context of the problem of socio-psychological security

of the individual. *Psychological health of the individual: theory and practice*. Stavropol, 2020, pp. 111–114. (In Russ.).

11. Stoyanova I. Ya., Smirnova N. S. Predictors of psychological safety in depressive spectrum patients. *Medical Psychology in Russia*, 2018, vol. 10, no. 1, pp. 1–6. (In Russ.).

12. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Transformation of the temporal space of subject security in the conditions of suicidal influence. *Educational Sciences and Psychology*, 2017, no. 2, pp. 73–81. URL: <http://gesj.internet-academy.org/ge/download.php?id=2967.pdf> (accessed 10.07.2021). (In Russ.).

13. Zvezdina A. A. Attitude to security as a professional aspect in the activities of a police officer. *International Journal of Psychology and Pedagogy in Service Activities*, 2019, no. 1, pp. 16–18. (In Russ.).

14. Fatikhova L. F. Influence of intellectual disorders on the ability of adolescents to recognize a dangerous situation and predict its consequences. *Special Education*, 2020, no. 4, pp. 80–98. (In Russ.).

15. Ignatova E. S. Emotional aspect of security. *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*, 2020, no. 6, pp. 161–165. (In Russ.).

16. Kukhtova N. V., Skripacheva E. I. Ensuring the psychological safety of the educational environment through the formation of prosociality in younger schoolchildren. *Psychological safety of a person in a changing society*. Veliky Novgorod, 2018, pp. 122–127. (In Russ.).

17. Petrova E. G., Chernaya Ya. A. Theoretical foundations of the concept of the safety of persons with different types of moral consciousness. *Actual problems of the prevention of addictive behavior*. Rostov-on-Don, 2019, p. 189–194. (In Russ.).

18. Ivanov M. S. The belief in the value of one's own self with different attitudes to threats to personal security. *Bulletin of the Kemerovo State University*, 2020, vol. 22, no. 4, pp. 992–999. (In Russ.).

19. Tylets V. G., Krasnyanskaya T. M. Personal safety concepts of subjects of adaptation to extreme living conditions. *Socio-psychological adaptation of migrants in the modern world: proc. of the V Intern. sci.-pract. conf.* Penza, 2020, pp. 217–225. URL: https://dep_op.pnzgu.ru/files/dep_op.pnzgu.ru/materialy_konferencii_spamvsm_2020_itog.pdf (accessed 10.07.2021). (In Russ.).

20. Tylets V. G., Krasnyanskaya T. M. Psychological features of the ideas of fans of works of fantastic and detective genres about the subject of security. *Experimental Psychology*, 2020, vol. 13, no. 3, pp. 180–193. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2020130314>. (In Russ.).

21. Tylets V. G., Krasnyanskaya T. M., Iokhvidov V. V. The semantic core of the security of subjects in the conditions of information pressure. *Professional Education in the Modern World*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 3112–3120. DOI: 10.15372/PEMW20200321. (In Russ.).

22. Kotik M. A. *Psychology of human protection from danger in professional activity*. Leningrad, 1985, 30 p.

23. Krasnyanskaya T. M. Patterns of self-maintenance of security. *News of the Taganrog Radio Engineering University*, 2005, vol. 53, no. 9, pp. 147–148. (In Russ.).

24. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Visualization of the practice of self-maintenance of safety in the features and customs of university students. *Psychology and Psychotechnics*, 2015, no. 11, pp. 1158–1166. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.11.17018. (In Russ.).

25. Tylets V. G., Krasnyanskaya T. M. Psychological meanings of safety rituals in the educational space of the university. *Bulletin of the I. Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, 2016, no. 4, pp. 103–109. (In Russ.).

Информация об авторах

Краснянская Татьяна Максимовна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, Московский гуманитарный университет (Российская Федерация, 111395, г. Москва, ул. Юности, 5, e-mail: ktm8@yandex.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4572-6003>

Тылец Валерий Геннадьевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры фонетики и грамматики французского языка, Московский государственный лингвистический университет (Российская Федерация, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр.1, e-mail: tyletsvalery@yandex.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5387-6570>

Статья поступила в редакцию 05.04.2021

После доработки 17.05.2021

Принята к публикации 09.07.2021

Information about the authors

Tatyana M. Krasnianskaya – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of General, Social Psychology and History of Psychology, Moscow University for the Humanities (5 Yunosti Str., Moscow, 111395, Russian Federation, e-mail: ktm8@yandex.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4572-6003>

Valery G. Tylets – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Phonetics and Grammar of the French Language, Moscow State Linguistic University (38 (bld.1), Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russian Federation, e-mail: tyletsvalery@yandex.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5387-6570>

The paper was submitted 05.04.2021

Received after reworking 17.05.2021

Accepted for publication 09.07.2021